

Рена ЖУМАНОВА

УЧИТЕЛЬ. ВОИН. ПАТРИОТ

**Сейтжан Елеусызов
в юности**

ков образования и культуры, имеет давнюю историю. Основы молодого учебного заведения, ровесника Независимости, закладывались сто лет назад в стенах старого Кокшетауского казпедучилища. Энциклопедия освещает два больших временных пласта: первый раздел посвящен периоду 1920–1950-х годов, второй – современному этапу.

Огромный охват материала, множество интереснейших архивных справок и фото с комментариями составителей, замечательная полиграфия – ценность этого сборника несомненна. Для нашей же семьи он имеет особенное значение, ведь несколько строчек альбома, а также ряд фотографий в нём связаны с именем моего нағашы-ата Сейтжана Елеусызова. С июля 1936 по август 1941 года он работал преподавателем истории этого учебного заведения, а в течение двух лет, вплоть до призыва в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, был и его директором. В этом же училище несколько лет преподавала математику и моя бабушка, первая жена Сейтжана-ата, Александра Михайловна Самсонова, которая в трудные годы Великой Отечественной возглавила Кокшетаускую среднюю школу № 2.

Восемь строчек, два групповых фото, несколько отсканированных приказов с фамилией деда в качестве директорской подписи и приказ от тридцать седьмого года за подписью директора Е. Акчурина с выражением благодарности педагогам, среди которых значится и преподаватель математики Самсонова... Вот и всё, что обнаруживается на страницах энциклопедии в связи с именем Сейтжана Елеусызова. А между тем, в нашем семейном архиве хранится множество интересных документов, справок, фотографий. По ним и сейчас, спустя многие десятилетия, несложно восстановить биографию Сейтжана Елеусызова, стоявшего у истоков нескольких кокшетауских учреждений в сфере народного просвещения. И наша семья бесконечно благодарна Акмолинской областной универсальной научной библиотеке им. М. Жумабаева, которая в декабре 2020 года, в разгар пандемии, организовала онлайн-встречу, посвященную нашему деду, одному из первых директоров этой библиотеки.

Итак, вот краткая историческая справка, выстроенная согласно имеющимся документам (трудовой список, военный билет, трудовая книжка).

Сейтжан Елеусызов (1907–1990) родился 18 марта 1907 года в ауле Жыланды (село Ульгели) Есильского района Акмолинской области. Окончил трехгодичную совпартшколу в г. Петропавловске (1928–1930 гг.). Будучи учителем истории по образованию, в период с 1930 по 1936 год работал в системе народного просвещения в Акмолинске, Атбасаре, Караганде. В июле 1936 года был зачислен преподавателем истории в Кокшетауское казпедучилище, а в сентябре 1939 года назначен его директором. Заочно окончил два курса педагогического института (г. Свердловск, 1937–1939 гг.). В 1940 году вступил в ряды ВКП(б). В августе 1941 года был призван в ряды РККА. В годы ВОВ прошел путь от зам. политрука 415-й стрелковой дивизии до увольнения в запас 30 ноября 1945 года в должности старшего адъютанта 236-го Западного стрелкового полка 69-й армии в звании старшего лейтенанта. Прошел обучение в Ленинградском военно-политическом училище (1942 г.) и курсы младших лейтенантов в г. Мичуринске. Дважды ранен – ранение в правое бедро под Серпуховом и в правую ногу под Старой Руссой. Награжден орденом Красной звезды, Орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За победу над Германией» и несколькими медалями к круглым датам.

С февраля 1946 года работал уполномоченным Совета министров СССР по делам религиозных культов по Кокчетавской области. С июня 1946 года – уполномоченным «Общества по распространению политических и научных знаний» КазССР по Кокчетавской области (общество «Знание»). В феврале 1952 года назначен директором областной библиотеки. В сентябре 1961 года переведен на должность директора Областной детской библиотеки г. Кокчетав. В апреле 1965 года назначен на должность уполномоченного по делам религиозных культов Исполкома Кокчетавского областного Совета депутатов. В марте 1976 года ушел на заслуженный отдых.

Неизвестно, стал бы круглый сирота из североказахстанской глубинки учителем, если бы не помощь родственника, писателя Жакана Сыздыкова. Ведь именно к нему в Петропавловск в голодные двадцатые годы совсем юным отправился Сейтжан из родного Жыланды. При очередной попытке выяснить, кем же в действительности приходится известный писатель нашему деду, в который раз услышала мамин эпический зачин («Были когда-то два брата, Қопабай и Жапабай....»). И, вновь попытавшись охватить сознанием эту завораживающую, но запутанную поэму, решила наконец-то нарисовать для себя схему. А потом долго смотрела на нее, вникая в детали. Вот он, алматинский дядя Ораз, который, стало быть, вроде как четвероюродный (?) брат мамы. А вот два кокшетауских родственника, которых я считала племянниками Ораза, а они на самом деле его троюродные братья... В общем, где-то на третьей параллели в этом древе расположилась красавица Сақып, внучка Жапабая, сестра Капара (в будущем – алматинского непростого товарища, работника министерства), на которой-то и был женат Жакан Сыздыков. И легендарная эта Сақып-сұлу, о которой маме часто рассказывала ее няня-апа, умерла в молодом возрасте, но оставила о себе прекрасную память. Говорилось, например, о том, что ещё «в те времена» (двадцатые годы прошлого столетия), ходила красавица Сақып не как все, а «на каблуках и с золотым поясом». В общем, писатель Жакан Сыздыков моему деду был «муж троюродной сестры», а попросту – «езде». И, вероятно, не без участия жезде дед мой Сейтжан стал слушателем Петропавловской совпартшколы, где и познакомился со своей будущей женой, преподавателем математики Александрой Самсоновой.

Жаль, но нет уже в живых ни их коллег, ни даже учеников, время безвозвратно ушло. И о том, каким Сейтжан Елеусызов был педагогом, можно

Александра Самсонова

Акмолинск». Вероятно, этому раннему этапу становления образовательной системы республики соответствуют домашние анекдоты из тогдашних учительских будней молодого Сейтжана Елеусызова. По его рассказам, напоминающим некоторые эпизоды «Республики ШКИД», среди учеников были и вчерашние беспризорники – тощие голодные ребята с ухватками городской шпаны. Им выдавали полное обмундирование с иголочки, а они на другой день возвращались с толкучки, спихнув спекулянтам всю новёхонькую одежду и завернувшись в одеяло... Дед, будучи сыном своей эпохи, отличался крайней аккуратностью в комментариях. Но, сопоставив с его повествованиями наши нынешние знания о том времени, понимаешь, откуда приходили в школу Стройученичества эти осиротевшие дети некогда вольной Степи...

Потом был недолгий период работы в Стройуче Атбасара, откуда в 1931 году Сейтжана по вызову отдела кадров отправляли на Первую методическую конференцию учебных заведений Казжелдорстроя, о чем свидетельствует групповая фотография с надписью и соответствующее удостоверение. Старые фото красноречивы. Вот они, первые советские мугалимы, школьные учителя, легко присаживающиеся на пол для группового фото. Все в угловатых одеяниях темных тонов, но с солидными портфелями и строгими одухотворенными лицами, юноши и девушки молодой Казахской республики, которым Советская власть дала возможность получить образование и выйти в люди.

Спустя три года С. Елеусызов преподавал в Караганде на горном рабфаке, а в 1935-м, после курсов повышения квалификации, в Москве на ведущем рабфаке имени Ленина, переехал в Кокшетау, где отработал один учебный год преподавателем истории Кокшетауской межрайонной совпартшколы. Новый же 1936–1937-й учебный год Сейтжан Елеусызов начал уже в качестве преподавателя истории Кокшетауского казпедучилища, с которым были связаны последующие пять лет его жизни. Именно отсюда Сейтжан Елеусызов отправился на фронт, о чем подробно написал в своем «Дневнике воина».

Воспоминания начинаются рассказом о воскресном дне 22 июня, когда директор Елеусызов мирно беседовал в саду педучилища с бывшим его выпускником, парторгом Айтмагамбетом. Окончены государственные экзамены, вручены аттестаты выпускникам, остальные учащиеся переведены в следующий класс. Студенты-заочники – сельские учителя – прибывают на очередную сессию. Город живет своим обычным ритмом «социалистического труда». Ни-

С. Елеусызов на 1-й методической конференции учебных заведений Казжелдорстроя (1931 г.)

кто не подозревает о том, что их ждет завтра. И вдруг появляется жена Шура, которая зовет Сейтжана домой – слушать по радио речь товарища Молотова.

«1941 жыл. 7 жыл табан аудармастан қызмет істеген үйреншікті Көкшетауымда Педучилищенің директорымын. Жазғы мемлекеттік экзамен жұмысын бітіріп, жүздеген жастарды классап класқа көшіріп, жазғы каникулге тарату, училищені бітіріп шыққандардың қолына аттестат беріп, оларды жаңа орындарына тарату жұмыстарының аяқтап келген кезі. Ауыл муғалімдері сырттан оқу педучилищене сапырылып келіп жатыр. Қала өзінің белгілі социалистік еңбегінде. Ертеңгі күн ешкімнің есіне кірмеді.

Жексембі. Училище бақшасында училищені бітіріп шыққан, әрі парторг болып істеген, училище беделінің бірі Айтмагамбетпен Әнгімелесіп отырмын. Күтпеген жерден Шура (Александра Михайловна – менің жолдасым) жүгіре шығып, “Сейтжан! Үйге жүр, жолдас Молотовтың речін тыңда, Германиямен соғыс басталыпты”, – деді».

Потом дед рассказывает о многолюдном собрании вечером того же дня в городском саду, куда с красными флагами приходят и его коллеги-учителя. Сейтжану Елеусызовичу предоставили право выступить от лица преподавателей – «передового отряда советской интеллигенции», и он произнес пламенную речь, начало которой скомкал от большого волнения. Позже его отправляют в Карабулак для разъяснения «речи товарища Молотова» колхозникам. А после обращения Сталина к советскому народу (которое тот, наконец, сделал 3 июля) дед едет в тот же Карабулак – теперь уже с разъяснениями речи генералиссимуса.

Взявшись за перепечатку «Дневника война», я вдруг вспомнила, как расшифровывала письма Анастасии Ивановны Цветаевой к Георгию Исаевичу Богину. Порой всё было яснее ясного, а иногда вдруг начинались сущие иероглифы... Так и здесь. И еще один любопытный «цветаевский» штрих в

воспоминаниях кокшетауского солдата: дед Сейтжан тоже сравнивал нашу природную достопримечательность – кокшетауское озеро Копа – с морем... «Озеро издали мнится морем, как оно меняет цвета, если сверху глядеть» – так у Цветаевой в ее повести о Кокшетау шестидесятых «Старость и молодость». «Теңіздей болып жарқырап жатқан Қопа...» («Как море раскинувшаяся и сверкающая Копа») – у Сейтжана Елеусызова на страницах дневника, посвященных отъезду на фронт.

В «Дневнике война» много моментов, интересных не только потомкам Сейтжана Елеусызова. Интересных как документ эпохи, как личное свидетельство не искусственного писателя-фронтовика, который неизбежно украсит свои автофикциональные записки, а обычного мыслящего человека, вчерашнего учителя. Вот, например, эпизод, в котором рассказывается о первом убитом фашисте. Перевод мой здесь точен и намеренно сух, без искусственного «олитературивания». Очень заметна у деда Сейтжана шероховатость швов между книжно-идеологическими «красочными» штампами и деловитым тоном в стиле «разрешите доложить». И тем сильнее, на мой взгляд, эффект погружения.

«...так на этой войне мои руки впервые окрасились чёрной кровью немца. А ведь раньше я был педагогом. Не знал никакой грубой работы. Не умел даже резкого слова сказать кому-либо... Мы шли в наступление, и рядом со мной было двое-трое товарищей. Вдруг начался автоматный огонь, один товарищ был ранен, второго спасла саперная лопатка на поясе. Я бросил взгляд на верхушки сосен, тут же зашевелились какие-то подозрения, но размышлять было некогда, я выстрелил из СВТ, и не прошло и секунды, как с вершины сосны свалился снайпер-"кукушка". Подбежав, я увидел распластавшегося фрица с одним вытекшим глазом. Высокий, очень рыжий, с радиопередатчиком на шее, укутанный поверх голубой шинели шалью и стеганым одеялом. Не задерживаясь, я пошёл дальше. Содрав с фрица сапоги и аккуратно переобувшись, Васильев нагнал меня. Завершая уничтожение немецкой роты, мы окружили обоз из двух-трех телег. В наших руках оказались чистые портянки, рукавицы, разнообразные консервы, хлеб и прочее. Быстро распределив трофеи, мы продолжили движение вперёд».

Большой удачей для нас стала возможность восстановления некоторых моментов биографии, черт характера, особенностей личности деда не только через страницы его дневника, но и через фронтовые письма, бережно хранимые Александрой Михайловной всю войну, а впоследствии десятилетиями аккуратно лежавшие в личном дедовском архиве, в черной папке с плотной обложкой. Почти невероятно, но за восемьдесят лет не померкли чернила, не истерся простой карандаш. Не очень хороший почерк деда мама объясняет просто: тому поколению пришлось быстро переучиваться, перестраиваясь с байтурсыновского тәте жазу на латиницу, с латиницы на кириллицу. Письма построены по некоему шаблону. Как правило, дед рассказывает о себе, потом интересуется тыловыми делами, новостями, работой жены, здоровьем и успехами детей. Предлагаемые читателю эпизоды представляют собой выборку с акцентом на учительской теме. Интересен тон писем: казенные речевые обороты-клише, назидательность, подчеркнутая идеологическая выверенность... Понятно, что написано это было с расчётом на неизбежное цензурное око. Как-никак, дед был сначала заместителем политрука, а потом и политруком, и в одном из писем так и пишет: занимаюсь я, мол, тем же, чем и всегда, то есть воспитанием молодежи.

В сумбурных открытках и письмах первого года войны о педагогической работе почти ничего не говорится. А вот начиная с сорок второго года эта

тема проходит в письмах настойчивым лейтмотивом. Так, в одном из писем Сейтжан говорит о предстоящем новом учебном годе, о старшей дочери Розе и младших детях Инне и Леоне, о том, что им даровано счастье учиться в советской школе и нужно быть достойными детьми своей страны. И параллелью к образу советской школы дается воспоминание о школе дореволюционной:

10.09.42. *«Я немного видел старую, религиозную школу, получая уроки от муллы, там не было никаких радостей, тяги, увлечения. Помню, как Али (двоюродный брат. – Прим. авт.) обманул муллу, а благодаря его обману мы не занимались целый день. Помню, как дети старшего возраста (с участием Али) незаметно срезали (видимо, «надрезали»). – Прим. авт.) палку муллы, ... при первом ударе палка разлетелась на куски...»*

А меньше месяца спустя появляется ностальгическая нотка, густо приправленная канцеляритом:

3.10.42. *«Немного скучаю о своем труде. Как мне трудно не видеть уже второй год школьной жизни. Моя сознательная жизнь протекала только в рамках учебы, среди юношей и девушек. Как я любил свой труд, как я дорожил званием советского педагога, как я стремился ежечасно улучшать свою работу, быть полезным для блага народа на культурном фронте. Надеюсь, что после победы опять я стану таким же педагогом, как и вы, по большим фактическим материалам, накопившимся за период войны, которые, безусловно, будут бесполезны в качестве примеров и даже иллюстраций».*

А вот любопытный фрагмент, в котором экс-директор Казпедучилища сокрушается о кадровых изменениях в родном коллективе. Здесь упоминаются друзья-педагоги Валиуллин, Холодков, Шиденов, друг и заместитель Кукубаев.

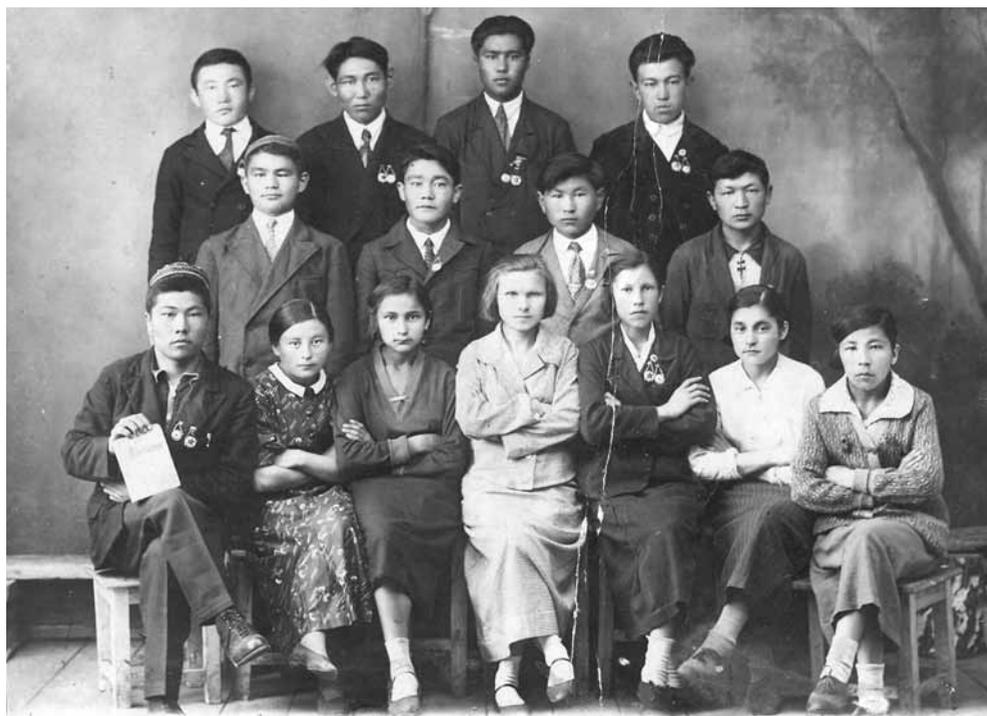
29.01.43. *«Получил письмо от Кукубаева. Бедный, он не написал ничего о себе и жене, о своей жизни и здоровье, а больше всего писал о положении дел в педучилище. Видно, что господствовал произвол нового директора. Как мне интересно узнать, кого же он оставил из старого состава педколлектива. .... Шиденова тоже уволил. Как мне жаль старых педагогов Кукубаева, Валиуллина, Холодкова! Неужели Роно, РК допустили до того, чтобы не закреплять этих педагогов за педучилищем? Я думаю, что любимчики нов. дир-а по всем качествам не лучше этих. Черт с ним, что хотят, но мне жалко работы, людей, учащихся».*

В письмах сорок четвертого и сорок пятого годов несколько раз звучит обеспокоенность деда своим профессиональным будущим:

22.07.44. *«Я всё же очень намного отстал от тебя в области педагогики. Почти ничего не читаю, не знаю. Если после войны придется опять взяться за ту же работу, то, пожалуй, необходимо будет самому подучиться. Иначе нельзя. Ты будешь меня учить. Мое приобретение за годы войны тебе ни к чему. Разве в моей работе кое-где, может быть, будет нужда в примерах, рассказах, различных многообразных сюжетах и картинах этих лет».*

30.06.45. *«Четыре года я не работал по своей основной специальности. И года тоже прибавляются. Признаюсь, за годы сражения я отстал намного. Если поверишь, сейчас я не смогу прочитывать даже подвальные статьи газет без отрыва. Если я раньше прилично знал новую историю, историю СССР, историю ВКП(б), эк. географию, то теперь многое перезабылось. Что скажешь о моей будущей трудовой деятельности?»*

Увы, что же отвечала бабушка своему «дорогому Сейтжаночке», мы никогда не узнаем, поскольку ее писем сохранилось совсем мало. Зато есть те письма деда, в которых она, Александра Михайловна, лишившаяся работы в Казпедучилище, а позже возглавившая коллектив второй средней школы, охарактеризована мужем со слов ее коллег:

А. М. Самсонова с учащимися Кокшетауского казпедучилища

«Мария Марковна писала кое-что о тебе. Она тебя обрисовала “богиней” и “маленьким директором с большим умом”. ... Она очень хорошо отзывается о вас. Восхваляет тебя. Пишет, что ты очень хорошая, красивая и очень молоденькая, энергичная».

Образу Александры Михайловны, ушедшей из жизни вскоре после окончания Великой Отечественной (1947 г.), были посвящены мои небольшие статьи прошлых лет в газетах «Степной маяк» (№ 1 (139555), 03.01.2008) и «Акмолинские вести» (№ 11 (214), 19.03.2015). А в контексте настоящей статьи особенно ценным представляется фото из домашнего архива, где она запечатлена с учащимися Кокшетауского казпедучилища. Согласно архивным справкам, А. М. Самсонова проработала в Казпедучилище с августа 1936 по март 1942 года, с перерывом на декретный отпуск. Из ее документов в папке деда, увы, сохранился лишь студенческий билет Казанского государственного университета им. Ульянова-Ленина, физико-математический факультет которого она окончила, две фотографии да пара-тройка писем.

В своих осторожных, с оглядкой написанных посланиях, адресованных русской жене, Сейтжан Елеусызов предстает верным патриотом родного языка и казахской культуры. Так, в письме из Мичуринска, где он проходил курсы младших лейтенантов, Сейтжан пишет о патефонной записи Куляш Байсеитовой, родном языке и Аббае.

7.VII.43. *«Вчера был в городе, город мне очень понравился. Отражение войны чувствуется, но это ничего. Идя по улице, услышал родное мне слово, оказывается, передают патефонные записи наших певцов, артистов и др. Пришел на лавку, в саду, послушал несколько хороших вещичек в исполнении Байсеитовой, её мужа и других наших артистов. Как хорошо, прямо удовольствие. Поверишь, что я до сих пор ни разу не слышал на своём что-нибудь в области*

С. Елеусызов в годы Великой Отечественной войны

культуры, хотя наши артисты побывали на фронтах, но там меня не было, где были они... (...)

Найди сборник произведений Абая, ещё несколько хороших книг на моем языке, наших писателей (цельное произведение, а не какой-нибудь сборник) и по возможности пришлешь мне. Очень скучаю, буду читать. Есть опасения, что я могу забыть свой родной язык. Там у вас что делается, я знаю. В моей семье нет ни одного человека, говорящего на моем языке, но это ничего, пусть будет так. Как я приеду, научу кое-кого говорить и на моем языке. Ты не думай, что у меня что-нибудь есть национального (имелось в виду «националистического». – Прим. авт.), но знание языков народов, населяющих наш Союз, это очень необходимое и благородное дело. Моё преимущество – это понимание, разговор с народами, родственными нам».

В письме от 22 марта 1943 года Сейтжан рассказывает жене о Наурызе и Синем камне Самарканда из обсерватории Улугбека.

22.03.43. «...Сегодня начало весны (9/III по старому обычаю нашего народа было праздником "Науруз", по преданию говорится, что в этот день все существа одушевятся, даже Самаркандский синий камень и то тает. И я сейчас сижу на солнышке греюсь). Как хорошо! Ничего не слышу, тишина...»

Сейтжан Елеусызов прожил долгую жизнь, осиротев еще до революции семнадцатого, пережив ужасы двадцатых-тридцатых, выйдя живым из пекла войны. Его не стало в 1990-м, и независимого Казахстана он не увидел. Сейтжан-ата остался в нашей памяти щепетильно-порядочным, гордым и независимым человеком. Здоровье, подорванное войной, он поддерживал правильным, размеренным образом жизни. И к запредельным карьерным высотам не рвался, никогда не переступал через собственную совесть и головы окружающих. Один яркий эпизод из его ранней аульной юности, рассказанный мамой, поддерживает нас, его потомков, в нашем сегодняшнем ощущении собственной правоты, в нашей семейной модели поведения. Однажды Сейтжан, увидев одного сановитого односельчанина, направился к нему с традиционным приветствием, «салемом». Но тот, смерив сироту высокомерным взглядом, обдал его холодным душем надменности: «Саған сәлем керек пе?» («Тебе нужен салем?»). С тех пор Сейтжан ни с кем, кроме родных, не здоровался за руку, ограничиваясь словесным приветствием.

В общении с равными Сейтжан Елеусызов был прост и радушен. Друзья и родственники любили Сейтжана и за его тонкое чувство юмора. Дед всегда ценил печатное слово, не мыслил себя без книги или газеты. В последние годы в основном слушал радио и иногда просил почитать ему вслух. До сих пор помню, как прочитывала ему передовицу «Правды».

Разные грани личности Сейтжана Елеусызова, представленные в его эпистолярном и мемуарном наследии, заслуживают внимания, уважения и светлой памяти. Среди его внуков и правнуков есть преподаватели, врачи, музыканты, писатели, и в каждом из нас живёт частичка его души. Мы по праву гордимся своим дедом – одним из первых представителей кокшетауской интеллигенции, достойным гражданином, патриотом, педагогом и просветителем.